

DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-117-128

EDN: KCLRGX

“КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ” В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

© 2024 г. Ю.А. Нисневич

*НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, профессор, доктор политических наук,
ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101100 Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 01.04.2024. После доработки 30.04.2024. Принята к печати 31.05.2024.

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальной для современной политики и политической науки проблемы, которая обозначается как “кризис демократии”. Методологической основой исследования служит системный подход, в рамках которого демократическая политическая система представляется в виде системы регулирования с обратной связью и внутренним контуром стабилизации. “Кризис демократии” отождествляется с дисфункциями политических и государственных институтов представительной демократии. Представленный анализ показывает, что в настоящее время имеет место “кризис демократии” трансформационного типа, который призван стимулировать развитие и совершенствование демократических политических и государственных институтов на основе их адаптации к социально-информационной среде, сформировавшейся в условиях постиндустриального цивилизационного транзита.

Ключевые слова: кризис демократии, системный подход, дисфункции институтов, постиндустриальный транзит, социально-информационная среда.

“CRISIS OF DEMOCRACY” UNDER POST-INDUSTRIAL CIVILIZATIONAL TRANSIT

*Yulii A. NISNEVICH,
ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Received 01.04.2024. Revised 30.04.2024. Accepted 31.05.2024.

Abstract. This article analyzes one of the current problems of modern politics and political science known as “the crisis of democracy”. The methodology of the study is based on system approach where a democratic political system is presented as a regulating system with feedback and inner stabilization contour. Under the system approach, the “crisis of democracy” is associated with dysfunction of political institutions of representative democracy that enable operation of the feedback channel — institution of elections and institution of political parties. The dysfunction of the feedback channel leads to problems with human resources and functional quality of the bodies of state power. The essence of these problems is that decisions taken by the authorities may not fully meet the needs and challenges of the dynamically changing social environment. In this context, the modern “crisis of democracy” can be viewed as a crisis of regulation of the social environment by the state authorities, which is caused by the crisis of legitimacy and effectiveness of decisions made by the authorities. The crisis of efficiency stems from a dysfunction of the highest bodies of state power, which are unable to make timely decisions and provide adequate responses to changes in the economic and political situation, international and domestic events. The crisis of efficiency leads to a decrease in the level of trust in political elites, political parties, the president and the government, which further triggers crises of political participation and representation and spirals into a crisis of legitimacy as involvement of citizens in the decision-making process. The key factor of the modern “crisis of democracy” is that under the conditions of post-industrial civilizational transit, political systems of the modern democratic states do not respond adequately to the transformation of the social environment into socio-informational environment, where social and info-communication processes are inextricably intertwined. The study shows that currently we are facing the “crisis of democracy” of transformational type, which is meant to stimulate the development and improvement of democratic political and state institutions and orders based on their adaptation to the new socio-informational environment.

Keywords: crisis of democracy, system approach, dysfunction of institutions, post-industrial transit, socio-informational environment.

About author:

Yulii A. NISNEVICH, Dr. Sci. (Political), Professor, Department of Political Science.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из наиболее обсуждаемых и дискуссионных тем в поле современной политики и политической теории обозначается как “кризис демократии”.

Дискуссии на эту тему были посвящены специальные выпуски таких ведущих политологических журналов, как *Democratic Theory*¹ и *Journal of Democracy*². По данным электронного каталога библиотеки университета “Высшая школа экономики”, начиная с 1975 г. опубликовано уже более 1850 тыс. работ, в которых в том или ином контексте используется это понятие. В качестве точки отсчета 1975 г. был выбран потому, что именно в этом году политологи Самюэль Хантингтон, Мишель Крозье и Джорджи Ватануки опубликовали подготовленный для Трехсторонней комиссии³ отчет “Кризис демократии. Доклад об управляемости демократий Трехсторонней комиссии” [1]. Этот доклад, авторы которого во введении, как представляется, сознательно подчеркнули, что “их выводы – несомненно, в некоторых отношениях провокационные”, послужил отправной точкой современного этапа дискуссии о “кризисе демократии” [2, 3, 4].

При этом немецкий политолог Вольфганг Меркель в беседе с австралийским философом Жан-Полем Ганьоном говорит: “Позвольте мне начать с комментария о том, что связь кризиса с демократией так же стара, как и демократическая теория. Вы найдете ее у Платона, Аристотеля и Полибия. В их произведениях она проходит через разные ситуации. В зависимости от того, как вы интерпретируете Томаса Гоббса или Макса Вебера, вы также можете найти связь между кризисом и демократией” [5, р. 95]. Английский политолог Дэвид Рансимен, так же как и Меркель, отмечает, что и в новейшей истории демократия перманентно проходит через состояние кризиса и это можно оценивать как ее нормальное состояние, способствующее обновлению, совершенствованию и развитию [6]. Кризис действительно можно рассматривать как неотъемлемую черту демократии и даже как признак того,

что она функционирует, поскольку “демократия по своей сути является нормативным и незавершенным проектом, и на самом деле такая его незавершенность и открытость служит жизненной силой демократии” [2, р. 6, 7].

Анализ дискурса часто цитируемых на современном этапе дискуссии публикаций позволяет прежде всего выделить ее содержательно проблемную зону, обусловленную тем, что участники дискуссии наполняют разным содержанием и по-разному интерпретируют такие ключевые понятия, как “кризис” и “демократия”, и это не позволяет в полной мере адекватно сопоставлять их мнения и позиции.

В предлагаемом исследовании на основе детального и фундированного этимологического и семантического анализа понятия “кризис” и различных аспектов этого явления, представленного чешским историком Иржи Шубртом [7], анализа термина “кризис” исходя из его медицинских, латинских и греческих корней, представленного итальянским политическим теоретиком Надей Урбинати [3], и анализа содержания, видов и факторов эскалации конкретно “политического кризиса”, представленного российским политологом Галиной Пушкаревой [8], понятие “политический кризис” будет определяться следующим образом. Политический кризис – это проявления дисфункций политической системы, что может приводить или к качественным трансформациям без кардинальной смены типа⁴ политической системы (трансформационный политический кризис), или к деструкции и разрушению политической системы, смене ее типа (деструктивный политический кризис). При этом возможные проявления дисфункций политической системы и ее трансформационные изменения в результате кризиса представляют собой многоаспектные континуумы.

Демократия в данном исследовании будет определяться в соответствии с классическим процедурным подходом в институционально-целевой парадигме как форма организации политических и государственных порядков, основанная на использовании нормативно-правовых институтов и правил с целью обеспечения свободы выбора альтернатив развития, подотчетности и сменяемости публичной власти.

⁴ В данном случае имеется в виду типологизация политических систем на основе характеристик правящих политических режимов: тоталитарного, авторитарного и демократического.

¹ 2014, т. 1, вып. 2; 2016, т. 3, вып. 1.

² 2015, т. 26, вып. 1.

³ Трехсторонняя комиссия была создана по инициативе Збигнева Бжезинского и Дэвида Рокфеллера в 1973 г. частными лицами из Западной Европы, Японии и Северной Америки для того, чтобы способствовать более тесному сотрудничеству между этими тремя регионами по общим проблемам.

Набор ключевых политических и государственных порядков современной демократии, которые определяют ее сущностные свойства и характеристики, может быть определен как расширенный и уточненный набор политических институтов полиархической демократии, предложенный Робертом Далем [9, с. 85]. В такой набор предлагается включить [10, сс. 80-87]:

- свободные, честные и регулярно проводимые выборы на избираемые должности публичной власти;
- сменяемость по результатам выборов политических должностных лиц публичной власти;
- свобода выражения мнений и убеждений;
- альтернативные источники информации;
- автономию ассоциаций, включая политические партии;
- всеобщие гражданские (личные) права;
- подотчетность и ответственность публичной власти;
- правозаконность (верховенство права и закона, включая конституционализм);
- независимость судебной системы.

При предложенном подходе к понятию “демократия” дисфункции демократической политической системы, определяющие состояние политического кризиса, представляют собой ту или иную совокупность дисфункций указанных политических и государственных институтов.

Необходимо отметить, что в логике, предложенной Меркелем [5, р. 94], трансформационный кризис демократической политической системы может перерасти в ее деструктивный кризис, привести к феномену авторитарного отката, если для преодоления дисфункций тех или иных политических и государственных институтов, возникших в результате эндогенных или экзогенных вызовов, не будут проведены их действительные реформы, то есть если институты демократии не преодолеют возникшие перед ними проблемы.

Анализ дискурса часто цитируемых публикаций позволяет также выявить, что феномен, обозначаемый как “кризис демократии”, рассматривается на разных институциональных уровнях, так как “существуют десятки тысяч отдельных органов местного самоуправления, тысячи субнациональных правительств, сотни национальных правительств, десятки над-

национальных образований и горстка органов ООН, а это означает, что пространства, в которых реализуются демократические практики, простираются горизонтально по всему миру на каждом из этих вертикальных уровней” [11, р. 2]. При этом наибольшее внимание, естественно, уделяется двум основным уровням. Первый уровень — национальный, государственный, на котором исследуются и анализируются дисфункции политических систем современных демократических государств, порождаемые внутригосударственными и надгосударственными факторами. Второй уровень — международный, межгосударственный, на котором исследуются и анализируются демократические и антидемократические тенденции в процессе формирования нового миропорядка в условиях постиндустриального цивилизационного транзита [12].

Проблема формирования нового миропорядка и проявляющихся в этом процессе демократических и антидемократических тенденций представляет собой предмет нового, чрезвычайно актуального направления исследований в современной политической науке, контуры которого только обозначаются. Предметом предлагаемого исследования является “феномен демократии” в рамках политических систем современных демократических государств с учетом влияния факторов, обусловленных постиндустриальным транзитом.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ “КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ”

Для того чтобы оценить, имеет ли место “кризис демократии” в современных демократических государствах и в дисфункциях каких институтов демократии он проявляется, представим политическую систему таких государств в виде системы регулирования с обратной связью и внутренним контуром стабилизации (см. рисунок).

В такой системе регулирующее устройство — это схематично изображенная на рисунке система органов государственной власти, которая воздействует на общество и регулирует общественные отношения посредством регулирующих воздействий в форме правовых и нормативных актов, образующих канал прямой связи.

Объектом регулирования служит общество, которое далее будем рассматривать как социальную среду, состоящую из множества граждан

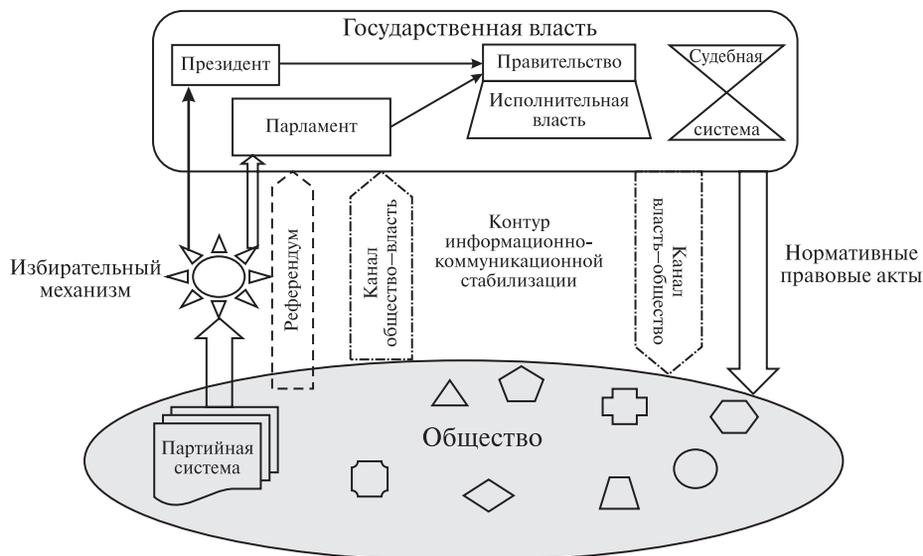

Рисунок. Политическая система демократического государства

Источник: разработано автором.

и их различных ассоциаций и имеющую много-связную распределенную структуру (распределенный объект регулирования).

Канал политической обратной связи образуют: многопартийная система, призванная обеспечивать политико-идеологическое структурирование общества в форме автономных политических ассоциаций – политических партий; избирательный механизм, который, опираясь на многопартийную систему, реализует регулярное проведение свободных и честных выборов представителей общества в высшие органы государственной власти и прежде всего в парламент, а также президента при президентских формах правления (институт выборов); парламент как общегосударственный представительный и законодательный орган, призванный выражать волю народа в управлении делами государства. В этом канале, который должен реализовывать политический контроль – политическую зависимость и подотчетность власти обществу, ключевой избирательный механизм функционирует не постоянно, а дискретно с периодичностью проведения выборов. В качестве дополнительного элемента политической обратной связи можно рассматривать такой механизм прямого волеизъявления граждан, как референдум, который также работает не постоянно, а только тогда, когда его проведение инициируется властью или ассоциациями граждан.

Регулирующее устройство (система органов государственной власти), канал прямой связи,

объект регулирования (социальная среда) и канал политической обратной связи, включая дополнительный механизм референдума, образуют основной контур регулирования. Специфика этого контура состоит в том, что в периоды между избирательными циклами он работает как система прямого регулирования без обратной связи, а это в результате динамичных изменений состояния социальной среды под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и при не вполне корректных регулирующих воздействиях может приводить к спорадическим возмущениям социальной среды и проявлениям дисфункций системы в контексте качества и целей регулирования.

Действительно, в рамках основного контура регулирования граждане и их ассоциации могут выразить свои частные и корпоративные интересы только в периоды функционирования избирательного механизма и только способами, доступными и допустимыми при проведении избирательных кампаний, то есть в основном опосредованно политическими партиями, которые являются основными акторами таких кампаний. При этом в аспекте представительства интересов политические партии из всего множества разнообразных политических, социальных, экономических и иных интересов агрегируют и артикулируют только те, которые представляются данной партии наиболее значимыми и способными принести электоральный успех с учетом ее декларируемой политико-идеологической ориентации. Нарастание объемов, разнообразия

и значимости частных и корпоративных интересов граждан и их ассоциаций, которые государственная власть не агрегирует и не учитывает при принятии управленческих решений, создает угрозу дестабилизации социальной среды и потери устойчивости регулирования ее состояния и развития.

Для предотвращения этой угрозы в рассматриваемой системе регулирования параллельно с контуром политической обратной связи реализуется постоянно действующий контур информационно-коммуникационных взаимодействий между социальной средой и государственной властью, который определяется как внутренний контур информационно-коммуникационной стабилизации, образуемый каналом обратной связи “общество—власть” и каналом прямой связи “власть—общество” [13]. Коммуникации канала “общество—власть” обеспечивают в основном механизмы выражения общественного мнения и лоббирования, а коммуникации канала “власть—общество” — механизмы связей с общественностью и консультативного взаимодействия.

Выражение общественного мнения реализуется посредством различных форм представления и распространения информации (в том числе петиций, публичных заявлений и обращения в органы государственной власти), а также проведения массовых публичных акций (собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетов).

Открытое и нормативно регламентируемое лоббирование призвано обеспечивать возможности выражения и отстаивания в органах государственной власти частных корпоративных, профессиональных, этнических и иных интересов. Лоббирование частично восполняет недостатки партийной системы в аспекте представительства таких интересов.

Связи с общественностью в государственном управлении — это планируемое и управляемое информационно-коммуникационное взаимодействие органов государственной власти с гражданами и их ассоциациями в различных формах, основанное на взаимном доверии и партнерских отношениях, знании и полной информированности, с целью публичного представления и объяснения решений и действий власти.

Консультативное взаимодействие предназначено для осуществления проблемно-ориентированных коммуникаций и реализуется посред-

ством привлечения органами государственной власти для взаимных консультаций и обсуждений представителей профессиональных сообществ и авторитетных специалистов негосударственного сектора.

При представлении политической системы демократического государства как системы регулирования с обратной связью принципиальное значение имеет тот факт, что эта система является открытой, то есть постоянно взаимодействует с внешней средой. В качестве внешней среды в данном случае выступает мировое сообщество, которое находится в состоянии постиндустриального цивилизационного транзита. В результате такого транзита в поле политики на государственном уровне, как предсказал американский футуролог Элвин Тоффлер, “все политические партии индустриального общества, все наши конгрессы, парламенты и верховные советы, наши президенты и премьеры, наши суды и регулирующие органы, наши геологические напластования правительственной бюрократии, короче говоря, все инструменты, которые мы используем, чтобы вырабатывать и осуществлять коллективные решения, устарели и готовы к преобразованиям” [14, с. 270]. Представляется, что это предсказание может служить ключом для понимания природы современного “кризиса демократии”.

Современный “кризис демократии” отождествляется прежде всего с кризисом таких институтов представительной демократии, как институт выборов, который должен обеспечивать опосредованное политическими партиями участие представителей различных социальных слоев и групп в управлении делами государства (кризис представительства), и с кризисом политических партий — автономных политических ассоциаций, призванных обеспечивать не только широкое представительство, но и активное участие граждан в избирательном и в целом политическом процессе (кризис политического участия) [15, 16, 17]. При системном подходе “кризис демократии” отождествляется с дисфункциями политических институтов, реализующих канал политической обратной связи с вытекающими из этого последствиями для качества функционирования политической системы как системы регулирования общественных отношений.

Политическая практика показывает, что дисфункции в канале обратной связи порождают проблемы кадрового и функционального

качества регулирующего устройства – системы органов государственной власти, начиная с ее высших избираемых органов – парламента и института президентской власти, которые, в свою очередь, оказывают определяющее влияние на состав и качество работы правительства и всей системы исполнительной власти. Суть таких проблем состоит в том, что принимаемые властью решения могут быть не в полной мере адекватны возмущениям и динамичным изменениям социальной среды, возникающим под воздействием эндогенных и экзогенных факторов.

Таким образом, при системном подходе современный “кризис демократии” можно рассматривать как кризис регулирования государственной властью состояния социальной среды, политических, экономических, информационных и иных общественных процессов и событий в этой среде.

Наблюдаемый в настоящее время кризис такого регулирования, как вполне обоснованно полагает бельгийский историк Дэвид ван Рейбрук, обусловлен тем, что демократическое правление не может найти равновесие между легитимностью и эффективностью принимаемых властью решений. И при этом в современных демократических государствах имеет место как кризис эффективности, так и кризис легитимности, которые ван Рейбрук определяет следующим образом: “Эффективность измеряется тем, насколько быстро правительство находит удачные решения возникающих проблем. Легитимность измеряется тем, насколько сами жители включены в принятие этих решений” [18, с. 6].

Кризис эффективности представляет собой дисфункцию прежде всего высших органов государственной власти (парламента, президента, правительства), которые, как и другие институты власти, по определению Карла Поппера, “как крепости: их надо хорошо спроектировать и населить” [19, с. 168]. Дисфункция высших органов власти проявляется в том, что их “население” – правящие элиты – не могут оперативно принять решения и дать адекватные ответы на динамичные изменения экономической и политической ситуации и события, происходящие на внутригосударственном и международном уровнях [20, 21].

“Источником” кандидатов в политические элиты служат политические партии, а их вхождение во власть осуществляется посредством института выборов. Поэтому как одно из перспективных направлений для повышения качества

элит и реформирования этих институтов предположительно может рассматриваться создание на основе меритократического подхода систем квалификационного профессионального отбора кандидатов на внутрипартийном уровне, а также на уровне выдвижения и регистрации кандидатов на выборные политические должности публичной власти. Критерии такого отбора должны определяться исходя не только из постулата Макса Вебера о том, что политика является призванием и профессией, но и из того, что управление современным государством – это особая профессия, требующая специальных знаний и умений. При этом институт политических партий может претерпеть существенные изменения в направлении дальнейшей трансформации кадровых, по классификации Мориса Дюверже, партий в автономные профессиональные политические ассоциации (политические команды) с меритократическими системами отбора и подготовки профессиональных политиков, окруженные перманентно изменяющимися, “дышащими” в социальной среде ареалами сторонников и симпатизантов.

Кризис эффективности обуславливает снижение уровня доверия к политическим элитам, их альма-матер – политическим партиям и занимаемым ими ключевым форпостам государства – парламенту, президенту и правительству, что, по преобладающему в рассматриваемой дискуссии мнению, и создает общий “кризис демократии” [15, р. 11]. Снижение уровня доверия порождает кризисы политического участия и представительства, а это приводит к кризису легитимности в указанном выше смысле.

КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО “КРИЗИСА ДЕМОКРАТИИ”

В системах регулирования с обратной связью работа регулирующего устройства по управлению объектом регулирования определяется характеристиками и текущей динамикой изменения состояния объекта как в процессе регулирования, так и под воздействием внешней среды.

Поэтому системный подход позволяет предположить: возникновение современного “кризиса демократии”, который проявляется в дисфункциях институтов демократии и государственного управления, обуславливается тем, что, как уже говорилось выше, эти институты не

успевают своевременно и должным образом отреагировать на изменения характеристик и состояния социальной среды. В подтверждение этого предположения в докладе Трехсторонней комиссии указывается: “жизнеспособность демократии в стране явно связана с социальной структурой и социальными тенденциями в этой стране” [1, p. 5].

Следует упомянуть и другую точку зрения по вопросу о природе современного “кризиса демократии”, которой придерживаются прежде всего сторонники левых и неомарксистских взглядов [3, 22, 23, 24]. По их мнению, “кризис демократии” порожден проблемами в сфере экономики, кризисами и изменениями экономического уклада. Как отмечает Меркель, “Хабермас и сторонники левого лагеря в 1970-х годах утверждали, что существует внешняя причина кризиса демократии. Это вызвано кризисом позднего капитализма. Проще говоря, они утверждали, что кризис капитализма становится политическим кризисом демократии, потому что государство не в состоянии справиться с этим экономическим вызовом” [5, p. 95].

Несомненно, экономические факторы и особенно экономические кризисы оказывают существенное влияние на “кризис демократии” [25, 26]. В частности, как говорит Фрэнсис Фукуяма, “последним ударом стал глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. и кризис евро, начавшийся в 2009 г.” [20]. Однако влияние не только экзогенных, но и эндогенных экономических факторов не является непосредственным: оно опосредовано теми возмущениями социальной среды, которые такие факторы вызывают, а неадекватная реакция власти на эти возмущения и порождает дисфункции институтов демократии.

Как предвидел Тоффлер [14], в процессе постиндустриального цивилизационного транзита, или, по его терминологии, становления новой цивилизации – Третьей волны, революционные изменения претерпевают не только техносфера и инфосфера, но и социосфера, и должна претерпевать властная сфера. Представляется, что именно кардинальные трансформации социальной среды, на которые политические системы современных демократических государств не реагируют должным образом, и служат ключевым фактором современного “кризиса демократии”.

Действительно происходящая в процессе постиндустриального транзита революция в области информационно-коммуникационных

технологий (ИКТ) “порождает качественно новую инфокоммуникационную среду с сетевой инфраструктурой, которая, пронизывая всю социальную сферу, порождает по сути новую уже социально-информационную среду, в которой неразрывно переплетены социальные и инфокоммуникационные процессы” [27, с. 128]. Изменения социальной среды, ее трансформация в социально-информационную обуславливают деформации характерной для индустриальной эпохи социальной архитектуры (иерархии социальных слоев и групп, традиционные социальные размежевания и расколы, материальное и статусное неравенство), на которой основано построение и деятельность существующих многопартийных систем. Это и приводит к дисфункции института политических партий, который не успевает адаптироваться к трансформационным изменениям социальной среды.

Современная социально-информационная среда носит преимущественно распределенный и атомизированный характер, и при этом наблюдается рост социально-экономического неравенства и его переход “в более высокое неравенство когнитивных ресурсов и политических знаний” [15, p. 21]. В такой среде каждый индивид потенциально может стать не только потребителем, но и распространителем информации, включая мнения и оценки происходящих событий, оперативно вступать в инфокоммуникационные взаимодействия с широким кругом пользователей, прежде всего социальных сетей. При этом в массовом сознании усиливается иллюзия того, что, даже несмотря на отсутствие понимания и умения анализировать и критически осмысливать большие потоки информации, каждый может считать себя достаточно компетентным в политике и управлении делами государства. И это усугубляет снижение уровня доверия к политическим элитам, политическим партиям и институтам государства, что порождает кризис участия. Такой кризис выражается в первую очередь в снижении явки на выборы, сокращении членства в партиях и партийной идентификации (политическое отчуждение), большой волатильности предпочтений избирателей, особенно под усиливающимся влиянием популизма [16]. Следует отметить, что усиление влияния популизма ряд исследователей относит к характерным проявлениям современного “кризиса демократии” [21, 28, 29], хотя представляется, что это скорее проявление “избыточности” демократии, чем ее дисфункций.

КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Дисфункции института политических партий на фоне деформаций прежней архитектуры социальной среды, трансформации этой среды в распределенную и атомизированную социально-информационную порождают кризис представительства, который реализуется посредством института выборов и является основой парламентской формы представительной демократии, построенной на выборах и политических партиях [3].

Следует отметить, что еще на ранней стадии становления парламентаризма возникли два основных архетипа представительства в парламенте, которые немецкий политолог Филип Манов исследовал с использованием нестандартного подхода — анализа символично-репрезентативной формы зала для заседаний британского и французского парламентов. В британском парламенте скамьи правительства и оппозиции расположены друг напротив друга, что может рассматриваться «как выражение концепции “состязательных” демократических политических дебатов», а во французском парламенте используется полукруг, что символизирует бóльшую склонность к консенсусу и считается “более подходящим выражением пропорционального представительства всех политических сил” [30, с. 16].

В рамках подхода к “кризису демократии”, предложенного ван Рейбруком, представляется, что британская концепция представительства в большей мере ориентирована на достижение эффективности, а французская — легитимности. При этом французская концепция выглядит более идеалистической и менее реализуемой в политической практике, чем британская. Действительно обеспечить в чистом виде “пропорциональное представительство всех политических сил” не способна ни одна избирательная система — все избирательные системы так или иначе блокируют прохождение в парламент части политических сил. В демократическом парламенте решение, за исключением особых случаев, принимается не консенсусом, а посредством голосования в пользу парламентского большинства, для чего и создаются парламентские коалиции.

Кризис представительства в современных условиях рассматривается преимущественно во французской концепции как кризис легитимности, как снижение включенности граждан в принятие решений по управлению делами государ-

ства. По замечанию Урбинати, “обнаружение кризиса... указывает на снижение власти граждан в определении повестки дня и формировании общественных дел своей страны” [3, р. 26].

Участники дискуссии о “кризисе демократии” акцентируют внимание на двух основных аспектах кризиса легитимности. Во-первых, это проблемы представительства интересов и политического участия различных обособленных социальных общностей, в первую очередь этнических, религиозных, гендерных и других меньшинств, а также “низших социальных классов”, по выражению Меркеля [15]. Во-вторых, это качество представительства — то, в какой мере избранные представители защищают интересы избирателей, представляют их суждения и требования, особенно связанные с современными резонансными общественными конфликтами, которые возникают в результате глобализации. Как отмечает швейцарский политолог Ханспетер Криси, «усиливающаяся международная экономическая конкуренция, увеличивающийся приток мигрантов со все более далеких и культурно иных берегов, усиливающаяся политическая интеграция в Евросоюзе создали конфликты между “победителями” и “проигравшими” от глобализации, то есть между людьми, чьи жизненные шансы традиционно защищались национальными границами и которые воспринимают ослабление этих границ как угрозу своему социальному статусу и социальной безопасности, и людьми, чьи жизненные шансы повышаются за счет открития национальных границ» [21, р. 246].

В качестве меры, частично компенсирующей кризис легитимности, который возникает в результате дисфункций институтов представительной демократии, рассматривается такой механизм прямой партиципаторной демократии, как референдум. Обычно в подтверждение эффективности этой меры ссылаются на опыт Швейцарии, где “нация ценит прямую демократию” и референдумы часто проводятся как на кантональном, так и на общенациональном уровне [11, р. 5]. Однако Меркель выражает сомнение в их демократической легитимности, поскольку “порог для принятия обязательного решения на швейцарском референдуме низок” и, кроме того, по его мнению, общей проблемой института референдума является “его высокая социальная избирательность”, так как “низшие классы не участвуют в референдумах” [5, р. 101]. Еще бóльшую осторожность в отношении “демократизирующе-

го потенциала референдумов” проявляют авторы вступительной статьи в уже упомянутом ранее специальном выпуске журнала *Democratic Theory* за 2014 г. В этой статье отмечается, что «они (референдумы. — Ю.Н.), как правило, вытесняют совещательный элемент в разработке политики, легко сводят сложные вопросы к вопросам “да” или “нет” и, таким образом, служат для оправдания “тирании большинства”» [2, р. 6].

Кризис эффективности, выражающийся в том, что власть недостаточно оперативно и адекватно реагирует на перманентно возникающие проблемы и кризисные ситуации, обусловленные вызовами и угрозами постиндустриального развития, и кризис легитимности, обусловленный дисфункциями институтов демократии, которые должны обеспечивать включенность граждан в принятие решений по разрешению возникающих проблем, вызывают у граждан негативную реакцию, которую они стремятся продемонстрировать публично. При этом, несмотря на то что современные ИКТ существенно расширили возможности реализации таких механизмов выражения общественного мнения, как петиции, публичные заявления и обращения, действенный механизм оперативного реагирования на них со стороны власти пока не сформировался. Поэтому для компенсации дисфункций демократических институтов и механизмов политического участия и влияния на действующую власть спонтанно формируется новый инклюзивный политический институт — публичные массовые акции протеста, количество которых постоянно возрастает [27]. Важно отметить, что катализатором и благоприятной средой для формирования этого института служит современная социально-информационная среда.

При этом имеет место точка зрения, что акции протеста носят деструктивный характер и разрушают демократию. На это американский политолог Томас Карозерс достаточно обоснованно возражает, что “в большинстве демократических стран, где имеют место широкомасштабные протесты, протесты принципиально не отвергают демократию как идеал, а вместо этого возражают против ее нынешнего проявления в конкретном контексте” [31]. Аналогичной позиции придерживается и Меркель: по его мнению, протестующие “хотят реформировать и улучшить демократию, а не покончить с ней — по крайней мере, в странах ОЭСР, в Америке и некоторых частях Азии” [5, р. 105].

Следует также отметить, что как “кризис демократии” интерпретируется и процесс авторитарной диффузии, который имеет место в некоторых современных демократических государствах, например в Венгрии при премьер-министре Викторе Орбане. Суть такого процесса состоит в том, что правящие политические акторы целенаправленно деформируют определенные демократические институты и порядки с целью удержания власти в своих руках. При этом создаются предпосылки для формирования режима “доминирующей власти”, при котором “одна политическая группировка — будь то движение, партия, семья или отдельный лидер — доминируют в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной” [32, р. 11]. Процесс авторитарной диффузии может привести к авторитарному откату — деструктивному политическому кризису, в результате которого происходит смена демократического правления авторитарным, как это произошло, например, в Турции при президенте Реджепе Эрдогане. Однако представляется, что политическая природа авторитарной диффузии качественно отличается от природы современного “кризиса демократии”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, представленный анализ показывает, что в настоящее время действительно имеет место “кризис демократии”, но не деструктивного, а трансформационного типа, который призван стимулировать развитие и совершенствование демократических политических и государственных институтов и порядков на основе их адаптации к сформировавшейся в процессе постиндустриального транзита социально-информационной среде.

Участники дискуссии о “кризисе демократии” предлагают различные решения и подходы к развитию и совершенствованию демократии, что породило новую волну теоретических изысканий под условным названием “демократия с прилагательными”. Напомним, что первая волна “демократии с прилагательными” [33] носила иной характер и возникла в связи с тем, что в парадигме демократического транзита рассматривались и отличные от демократических режимы нового типа, которые стали возникать после падения тоталитарных режимов и диктатур. Эта волна затухла по мере того, как стало понятно, что парадигма демократического транзита недостаточно

адекватна политическим реалиям [32] и что сущностью новых режимов выступает не демократия даже с прилагательными, а авторитаризм.

Новая волна “демократии с прилагательными” привела к тому, что количество прилагательных, используемых для описания демократии, заметно увеличилось и, по данным Ганьона, к 2018 г. составило 2234 [34]. При этом в отдельную категорию можно выделить прилагательные, которые определяют типологизацию предлагаемых решений и подходов к развитию и совершенствованию демократии для преодоления ее современного кризиса. К таким наиболее распространенным в научной литературе дескрипторам демократии относятся: агрегативная, алеаторная, аудиторная, делиберативная (совещательная), коммуникативная, консенсусная, мониторинговая, партисипативная или партиципаторная, электронная. К этому списку можно добавить дескриптор “коллокативная”, которым российский экономист Виктор Полтерович обозначил предложенный им комплекс мер для преодоления современного “кризиса демократии” [4].

Все указанные “демократии с прилагательными” представляют собой предложения и решения, которые направлены в первую очередь на

купирование кризиса легитимности посредством использования элементов прямой демократии для расширения возможностей политического участия и влияния граждан на действующую власть. В рамках системного подхода эти решения и методы можно рассматривать как меры по развитию и совершенствованию механизмов выражения общественного мнения, которые обеспечивают функционирование канала обратной связи “общество—власть” контура информационно-коммуникационной стабилизации при сохранении существующего институционального построения основного контура регулирования.

Принципиально важным представляется тот факт, что все предлагаемые решения и подходы предполагают сохранение в качестве основы демократического правления в условиях постиндустриального транзита представительной демократии. В частности, американский политолог Филипп Шмиттер ставит знак равенства между реально существующими демократиями и представительной демократией [16, p. 326], а Меркель полагает, “что реальной альтернативы представительной демократии нет, ее можно дополнить прямыми формами демократии, но надо быть осторожным” [5, p. 106].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York, New York University Press, 1975. 232 p.
2. Ercan S.A., Gagnon J.-P. The Crisis of Democracy. Which Crisis? Which Democracy? *Democratic Theory*, 2014, vol. 1, iss. 2, pp. 1-10. DOI: 10.3167/dt.2014.010201
3. Urbinati N. Reflections on the Meaning of the “Crisis of Democracy”. *Democratic Theory*, Summer 2016, vol. 3, iss. 1, pp. 6-31. DOI: 10.3167/dt.2016.030102
4. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия. *Вопросы экономики*, 2021, № 1, сс. 52-72.
Polterovich V.M. The Crisis of the Institutions of Political Competition, the Internet and Collaborative Democracy. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 1, pp. 52-72. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-52-72
5. Merkel W., Gagnon J.-P. Democracies and Their Crises Reconsidered. *Democratic Theory*, 2016, vol. 3, iss. 1, pp. 91-108. DOI: 10.3167/dt.2016.030106
6. Рансимен Д. *Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 400 с.
Ransimen D. *The Confidence Trap. The History of the Crisis of Democracy from the First World War to the Present Day*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 400 p. (In Russ.)
7. Шубрт И. Размышления о понятии “кризис”. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2014, № 6 (36), сс. 70-84.
Shubrt I. Reflections on the Concept of “Crisis”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2014, no. 6 (36), pp. 70-84. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.6
8. Пушкарева Г.В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, 2016, № 1, сс. 138-162.
Pushkareva G.V. Political Crises: Content, Types and Factors of Escalation. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21: Governance (the state and society)*, 2016, no. 1, pp. 138-162. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-krizisy-soderzhanie-vidy-i-factory-eskalatsii/viewer> (accessed 23.05.2024).

9. Даль Р. *О демократии*. Москва, Аспект Пресс, 2000. 208 с.
Dal' R. *On Democracy*. Moscow, Aspekt Press, 2000. 208 p. (In Russ.)
10. Нисневич Ю.А. *Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса*. Москва, Издательство Юрайт, 2017. 240 с.
Nisnevich Yu.A. *Politics and Corruption: Corruption as a Factor in the Global Political Process*. Moscow, Izdatel'stvo Yurait, 2017. 240 p. (In Russ.)
11. Gagnon J.-P., Fleuss D. The Case for Extending Measures of Democracy in the World “Beneath”, “Above”, and “Outside” the National Level. *Political Geography*, 2000, vol. 83, pp. 1-10. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2020.102276>
12. Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. *Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства*. Москва, Издательство Юрайт, 2019. 212 с.
Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. *Formation of Post-Industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism*. Moscow, Izdatel'stvo Yurait, 2019. 212 p. (In Russ.)
13. Нисневич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 2006, № 1 (6), сс. 68-80.
Nisnevich Yu.A. Information and Communication Stabilization of the Political System. *RUDN Journal of Political Science*, 2006, no. 1 (6), pp. 68-80. (In Russ.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9913771> (accessed 23.05.2024).
14. Тоффлер Э. *Третья волна*. Москва, АСТ, 2004. 781 с.
Toffler A. *The Third Wave*. Moscow, AST, 2004. 781 p. (In Russ.)
15. Merkel W. Is There a Crisis of Democracy? *Democratic Theory*, Winter 2014, vol. 1, iss. 2, pp. 11-25. DOI: 10.3167/dt.2014.010202
16. Schmitter Ph. C. Crisis and Mutation in the Institutions of Representation in “Real-Existing” Democracies. *Journal of Chinese Governance*, 2019, vol. 4, no. 4, pp. 323-338. DOI: 10.1080/23812346.2019.1672362
17. Drutman L. Moderation, Realignment, or Transformation? Evaluating Three Approaches to America’s Crisis of Democracy. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, January 2022, vol. 699, no. 1, pp. 158-174. DOI: 10.1177/00027162221083494
18. Рейбрук ван Д. *Против выборов*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.
Reybrouck Van D. *Against Elections*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 200 p. (In Russ.)
19. Поппер К. *Открытое общество и его враги. Т. I: Чары Платона*. Москва, Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. 448 с.
Popper K. *The Open Society and Its Enemies. V. I: Enchantment of Plato*. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyi fond “Kul'turnaya initsiativa”, 1992. 448 p. (In Russ.)
20. Fukuyama F. Against Identity Politics: The New Tribalism and the Crisis of Democracy. *Foreign Affairs*, 2018, vol. 97, no. 5, pp. 90-115. Available at: <https://www.jstor.org/stable/44823914> (accessed 01.10.2022).
21. Kriesi H. Is There a Crisis of Democracy in Europe? *Politische Vierteljahresschrift*, 2020, vol. 61, iss. 2, pp. 237-260. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00231-9>
22. Habermas J. *Legitimation Crisis*. Boston, Beacon Press, 1975. 166 p.
23. Son K.-M. The Cold War Origins of the “Crisis of Democracy”. *Democratic Theory*, 2018, vol. 5, iss. 1, pp. 39-61. DOI: 10.3167/dt.2018.050104
24. Kalyvas A. Whose Crisis? Which Democracy? Notes on the Current Political Conjuncture. *Constellations*, 2019, vol. 26, iss. 3, pp. 384-390. DOI: 10.1111/1467-8675.12438
25. Beek van U., Wnuk-Lipinski E., eds. *Democracy under Stress: the Global Crisis and beyond*. Stellenbosch, Sun Press, 2012. 227 p.
26. Morlino L., Quaranta M. What is the Impact of the Economic Crisis on Democracy? Evidence from Europe. *International Political Science Review*, 2016, vol. 37, iss. 5, pp. 618-633. Available at: <https://doi.org/10.1177/0192512116639747>
27. Нисневич Ю.А. Публичные массовые акции протеста: формирование инклюзивного политического института. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 5, сс. 120-134.
Nisnevich Yu.A. Public Mass Protests: the Formation of an Inclusive Political Institution. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 5, pp. 120-134. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-120-134>
28. Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession. *Journal of Democracy*, January 2015, vol. 26, iss. 1, pp. 141-155. DOI: 10.1353/jod.2015.0009
29. Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. What Is Populism? Who Is the Populist? *Democratic Theory*, 2018, vol. 5, iss. 2, pp. vi-xxvi. DOI: 10.3167/dt.2018.050201

30. Манов Ф. *В тени королей: политическая анатомия демократического представительства*. Москва, Издательство Института Гайдара, 2014. 176 с.
Manow Ph. *In the King's Shadow: The Political Anatomy of Democratic Representation*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2014. 176 p. (In Russ.)
31. Carothers T., Wong D. Misunderstanding Global Protests. *Carnegie Endowment for International Peace*, 01.04.2020. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/04/01/misunderstanding-global-protests-pub-8141218> (accessed 01.10.2022).
32. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, iss. 1, pp. 5-21. DOI: 10.1353/jod.2002.0003
33. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*, 1997, vol. 49, iss. 3, pp. 430-451. DOI: 10.1353/wp.1997.0009
34. Gagnon J.-P. 2,234 Descriptions of Democracy: An Update to Democracy's Ontological Pluralism. *Democratic Theory*, Summer 2018, vol. 5, iss. 1, pp. 92-113. DOI: 10.3167/dt.2018.050107